ВЕРА ШТИЛЬ

ТИШИНА В ЭФИРЕ

Запись, на которой держалось дело,
пять лет никто не слушал целиком.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

Вера Штиль

Тишина в эфире

«Автор»
2026

Штиль В.

Тишина в эфире / В. Штиль — «Автор», 2026

В пятницу, 13 ноября, в 23:52 Алина Власова выходит в эфир с юбилейным выпуском «Ночного разбора»: пять лет назад её программа о пропавшей Елене Ракитиной сделала Алину знаменитой. В 00:38 на пульте загорается номер, который знает только она: её собственный домашний.Незнакомец спокойно описывает её спальню, новый замок и плед на кровати. И называет срок: к пяти утра, в повторе программы, Алина должна сама сказать, что она тогда сделала на самом деле.Человек, которого она помогла уничтожить в эфире, давно мёртв. Запись, на которой держалось дело, давно в архиве. До пяти утра остаётся чуть больше четырёх часов. У Алины есть студия, ночная смена, телефон и звук, который она слышит лучше всех на свете.

© Штиль В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Прямой эфир 6
Глава 2. Чужой голос 11
Глава 3. Квартира 16
Глава 4. Старое дело 21
Глава 5. Архив 26
Глава 6. Ночная смена 30
Глава 7. Первая версия 35
Глава 8. Несовпадение 39
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Вера Штиль
Тишина в эфире

Тишина в эфире
Психологический триллер
Вера Штиль
2026
Оглавление

Глава 1. Прямой эфир

Пятница, 13 ноября. 23:52

— С чабрецом, — сказал Михаил и налил чай в крышку термоса до самого края.

Алина взяла крышку двумя пальцами. Пять лет он наливал ей вот так, вровень с краем, и каждый раз смотрел, донесёт ли она до пульта. Кружку не предложил ни разу.

— Миш, у меня эфир через восемь минут.

— Вот за восемь и выпьешь. Ты с десяти ничего не ела.

— Ты с десяти спал.

— Вполглаза. Работа такая.

Он ушёл к себе за стекло, сел, натянул наушники на одно ухо и сразу стал похож на человека, которого здесь нет. Это у него тоже было профессиональное.

Студия «Ночного разбора» была меньше, чем представляли себе слушатели. Стол буквой «П», пульт на двенадцать фейдеров, два микрофона на пантографах. Второй для гостей, сегодня гостей не было. Справа экран телефонных линий: четыре строки, в каждой — номер и пометка, которую впечатывал Михаил. Над дверью лампа «В ЭФИРЕ», пока тёмная. Дверь закрывалась тяжело, с чмоканьем резинового уплотнителя, и замка на ней не было. Окно выходило на Пятницкую с четырнадцатого этажа: мокрый асфальт, жёлтое такси у светофора, больше никого.

Ночью на четырнадцатом этаже их оставалось двое. Этажом ниже до часу сидел выпускающий новостей, внизу, у турникетов, охранник Ильич разгадывал сканворды и записывал в журнал каждого, кто входил после одиннадцати. Сегодня после одиннадцати не вошёл никто.

Вентиляция гудела на одной низкой ноте. Алина перестала её слышать на второй неделе работы, а потом научилась слышать снова, когда нужно. В любой комнате что-то гудит. На записи комнату узнают по этому гулу.

В наушниках щёлкнула обратная связь.

— Скажи что-нибудь на уровень.

— Раз, два. Пятница, тринадцатое.

— Вот не надо мне. — Он что-то подкрутил. — Нормально. Слушай. Детектор тишины сегодня на пятнадцати секундах. Замолчишь дольше, автоматика уведёт эфир на плейлист, и Виктор съест меня, а не тебя.

— Я держу паузу двенадцать.

— Ты держишь сколько захочешь, я тебя знаю. Задержка семь секунд, сброс красный, справа.

— Я помню, где сброс.

— Я обязан сказать, тут всё пишется. — Он помолчал. — Мне до шести сидеть, кстати. Архив переезжает.

— Куда?

— В облако. Весь, с девяносто восьмого года. Письмо всем приходило.

— Я не открываю письма «К сведению».

— А зря. Корзину не переносят. Что там лежит, к утру сотрут, и привет.

Алина отпила. Чабрец, кипяток и две ложки сахара. Всё это время она говорила ему, что пьёт без сахара.

— Мастер-то нормальный оказался? — спросил Михаил. — Я тебе так и не позвонил.

— Нормальный. Молчаливый. В маске ходил, простыл.

— Толик всегда такой. Зато руки. Дверь не заедает?

— Светится синим, когда подносишь ладонь.

— Это чтобы ты чувствовала себя важной.

Он отхлебнул из своей кружки, коричневой, с отбитой ручкой, и посмотрел на неё через стекло дольше, чем нужно для проверки уровня.

— Слышала, кстати? Виктор завтра в одиннадцать подписывает со стримингом. Сериал по нашему делу.

— По какому «нашему»?

— Ну а по какому. По Ковалёву. Восемь серий. Тебя консультантом хотят.

— Меня никто не спрашивал.

— Вот завтра и спросят. Он поэтому сегодня и дёрганый. Звонил мне в одиннадцать, проверял, стоит ли у меня запись на без десяти час.

— Стоит?

— У меня всё стоит, что он велел. — Михаил покрутил кружку за остаток ручки. — Пять лет, а? Я тогда тут же сидел, на этом стуле. Ты была в синем свитере и всё время просила сделать погромче.

— Я не помню, в чём я была.

— А я помню. Ты потом этот свитер больше не носила.

Она не нашла, что на это сказать, и он не стал ждать.

Она достала из сумки телефон, чтобы убрать его в ящик стола. Под телефоном лежал блистер с половинками таблеток, она вытащила его вместе с телефоном и сунула обратно, поглубже, под кошелёк. На экране висело сообщение от Виктора, пришло в 23:40:

«Аль, сегодня нас слушают ребята со стриминга. Ровно, по сценарию, без самодеятельности. Мы это заслужили. В.»

Она ответила «Ровно» и положила телефон в ящик экраном вниз.

Сценарий лежал перед ней: двенадцать листов, распечатанных в девять вечера. Сверху: «Пять лет без Елены. Спецвыпуск. 00:00–02:00». Ниже по минутам: вступление, хроника, звонки, в 00:50 «Запись Ковалёва (19 с), комментарий». Слова «убийца» в сценарии не было. Его не было и в двадцать первом. Виктор называл это гигиеной.

На шестом листе карандашом Виктора было приписано: «01:30 — Г. Ракитин? (не подтвердил)». Муж Елены все эти годы давал интервью всем, кто просил, а в «Ночной разбор» не пришёл ни разу. Виктор звонил ему всю неделю.

Она перевернула лист, чтобы строка про запись не попадалась на глаза раньше времени.

— Тридцать секунд, — сказал Михаил.

Она надела наушники плотно, на оба уха, и отодвинула крышку термоса, чтобы не задеть локтем. Над дверью загорелась лампа. Пошла заставка: три удара метронома и низкий протяжный звук. Михаил собрал его в первый год из гула трансформаторной будки у себя во дворе и до сих пор этим гордился.

Алина открыла микрофон.

В эфире она говорила на полтона ниже и медленнее, чем в жизни. Михаил называл это «голос с пледом».

— Доброй ночи. Это «Ночной разбор», с вами Алина Власова. Ровно пять лет назад, четырнадцатого ноября двадцать первого года, мы задали в этой студии вопрос: где Елена Ракитина? Ей было двадцать шесть. Восьмого октября она вышла из дома в Марьине и не вернулась. Через сутки её машину нашли в автосервисе Сергея Ковалёва в Люблине. Сергей на наш вопрос так и не ответил. Пятого декабря его не стало. Елену не нашли до сих пор. Сегодня мы снова откроем это дело. Линии открыты.

Это вступление она всю неделю репетировала дома, вслух, в тишине, перед стоящими часами, и сегодня оно легло ровно в минуту. Она закрыла микрофон и подняла хронику октября. В тёмном стекле аппаратной её отражение легло поверх Михаила, который ел сушку.

Первые двадцать минут шли как надо. Она читала хронологию поисков, ставила голоса волонтёров из старых выпусков, сверялась с листами. В 00:12 пошёл голос старшего поиско-

вой группы, двадцать первый год, Кузьминки, ветер в микрофоне: «Ищем уже не живую, это все понимают». Тогда, в двадцать первом, она сама попросила Михаила поставить эту фразу последней перед рекламой. Михаил тогда сказал: «Жёстко». Она сказала: «Зато честно». Сейчас она убрала фейдер на полсекунды раньше, чем следовало, и конец фразы съела подложка. В чате программы на втором мониторе писали «помню этот выпуск», «до сих пор мурашки», «а муж её где сейчас?». Человек с ником «Зелёный» второй раз спрашивал, почему тогда она не позвала в эфир самого Ковалёва.

На третий раз она прочитала вопрос вслух. Виктор учил: если вопрос задают три раза, его уже задают все.

— Нас спрашивают, почему в двадцать первом году мы не дали слово Сергею Ковалёву. Мы его звали. Дважды, письменно и по телефону. Первый раз он не ответил. Второй раз ответил одним словом, которое я в эфире повторить не могу. — Она дала паузу, две секунды, ровно столько, чтобы слушатель успел представить это слово. — Это было его право.

Она закрыла микрофон. «Зелёный» написал: «а вы бы на его месте что сказали». Она прокрутила дальше.

— Хорошо ответила, — сказал Михаил в наушниках. — Честно.

Она подумала, что ответила хорошо, и не была уверена, что честно. Слово действительно было одно. Сергей сказал его после того, как она в третий раз за минуту спросила, где он был в ночь на девятое. Этого она в эфире не говорила ни тогда, ни сейчас.

В 00:24 Михаил вывел первую линию. Пометка: «Тамара, Люберцы. Знала Елену».

— Тамара, вы в эфире. Доброй ночи.

— Алиночка, господи, я вас столько лет слушаю! Я тогда, когда вы его… я всю ночь проплакала, честное слово, мужу говорю…

— Спасибо, Тамара. Вы знали Елену?

— Знала! Я в «Атлетике» занималась, на Люблинской, а Леночка у нас на ресепшене сидела. И вот вы тогда так правильно его прижали. Он же потом руки на себя наложил, значит, было за что, значит, совесть…

— Тамара, — сказала Алина тем же мягким голосом, только медленнее. — Давайте о том, что известно точно. Вину Сергея Ковалёва суд не устанавливал. Мы задавали вопросы. Вы видели Елену в клубе. Когда в последний раз?

— Ну… летом. В августе, наверное. Она мне карту продлевала.

— Что вы запомнили?

— Да ничего такого. Красивая. Улыбалась всегда. — Тамара замолчала, и Алина не стала заполнять паузу. — Синяк у неё был. Вот здесь, на запястье. Тональником замазывала, а видно всё равно.

— Вы её спросили?

— Да кто ж спрашивает. Она сама сказала: дверцей прищемила. В машине.

— Вы кому-нибудь об этом говорили? Тогда, в двадцать первом?

— А кому? Мужу её, что ли? Он мужчина приличный, по телевизору плакал. Я и подумала: ну дверца так дверца.

— Спасибо, Тамара. Это важная деталь.

На полях сценария Алина написала: «синяк, запястье, авг. 21». Тогда этой женщины в эфире не было. Возможно, она и не звонила. Возможно, звонила, и её не вывели, потому что выпуск был про другое.

— Красиво вывела, — сказал Михаил в наушниках.

Она не ответила. Поставила рекламу и анонсы, длинный блок, пять минут, и допила остывший чай. Сахар осел на дне крышки.

— Если Ракитин позвонит, пускать? — спросил Михаил. — Виктор сказал: сразу, без очереди.

— Пускай. Он не позвонит.

— Виктор думает, позвонит. Он ему вчера писал, что сегодня годовщина и что эфир для него открыт.

— Он всегда отказывался.

— Ну, может, созрел. — Михаил пожал плечами. — Люди к годовщинам созревают.

Телефон в ящике коротко вздрогнул. Она приоткрыла ящик на два пальца. Виктор: «Идём отлично. Тамару бы покороче, но синяк хорош. В.» «Синяк хорош» она перечитала дважды. Он слушал. Он всегда слушал её эфиры, где бы ни был, даже с дачи, в машине, в наушнике под шапкой на лыжне. Она задвинула ящик.

В 00:38 на экране загорелась вторая линия.

— Вторая, — сказал Михаил. — Андрей. Говорит, знал Ковалёва. Спокойный, не псих. С половины первого висит, терпеливый. Перед ним ещё двое, но те про другое.

На экране крупно: «АНДРЕЙ — знал Ковалёва». Под пометкой мелким серым шрифтом стоял номер. На номера Алина не смотрела никогда. Номерами занимался Михаил, она читала пометки.

Реклама кончилась. Она открыла микрофон и вторую линию одним движением.

— Андрей, вы в эфире. Доброй ночи.

— Доброй ночи, Алина Сергеевна.

Голос был ровный, негромкий, без попытки понравиться. Так говорят с управляющей компанией, когда звонят туда в десятый раз. По отчеству её в эфире не называли. Слушатели писали «Алина», «Алиночка», один пенсионер из Твери упорно писал «товарищ Власова».

— Можно просто Алина. Вы знали Сергея Ковалёва?

— Знал. Я про другое хотел. Можно?

— Попробуйте.

— Про вас.

Она улыбнулась так, чтобы улыбку было слышно.

— Про меня у нас отдельной программы нет. Но давайте.

— У вас в комнате на тумбочке слева лежит «Тихий Дон». Второй том. Закладка — посадочный талон, Сочи. На кресле плед в синюю клетку. Замок на входной двери новый, светится синим, если поднести руку.

Стрелка её микрофона на пульте дёрнулась от вдоха и вернулась на место. Алина проследила за ней глазами. Голос должен был звучать так же, как секунду назад, и он так и звучал.

— Андрей, вы, похоже, хотите поговорить о том, сколько чужие люди знают о нас. Хорошая тема. Мы к ней как-нибудь вернёмся. А сегодня у нас пять лет без Елены Ракитиной, и вы сказали, что знали Сергея. Давайте о нём.

— Давайте. Он бы вам про замок тоже сказал. Он в замках понимал.

— Андрей…

— Я не закончил. На кухне у вас кран капает. Холодная вода. Вы подставляете под него губку, чтобы не слышать.

В чате кто-то написал «жесть». Кто-то другой: «это реально ей звонят?» Алина положила ладонь на фейдер второй линии. Можно было увести его вниз одним пальцем, и Андрей пропал бы на полуслове. Она не увела. Человек, который знает про губку, не исчезнет оттого, что его убрали из эфира.

— Вы живёте одна, Алина Сергеевна.

Пауза была четыре секунды. Сама она держала бы три. За эти четыре секунды в чате появилось три сообщения, все одинаковые: «???».

— Но сейчас нет.

Она опустила глаза на серую строку под пометкой.

«Дом. А. Власова. +7 495 912-40-17».

Этот номер она выучила раньше, чем свой день рождения. Бабушка заставляла повторять его в прихожей перед школой: на случай, если потеряешься. Бабушки не было уже девять лет, квартира на Бауманской досталась Алине, а номер она так и не отключила. Платила за него сто восемьдесят рублей в месяц и пару раз в год слушала, как на автоответчик звонят из поликлиники, где бабушка давно не числилась. Этот номер она дала станции для экстренной связи, потому что мобильный в эфире лежал в ящике.

За стеклом Михаил смотрел в свой монитор. Голову он не поднял и к кнопке связи не потянулся.

— Андрей, — сказала она. — Откуда вы звоните?

— Вы же видите.

Секунду в наушниках было слышно только его дыхание, близкое, у самой трубки.

— И спросите себя, Алина Сергеевна, что вы вырезали одиннадцатого ноября.

Глава 2. Чужой голос

00:41

Палец нашёл красную кнопку раньше, чем она решила её нажать.

Можно было на этом и закончить: убрать линию, поставить рекламу, написать Виктору «псих, разобрались». Она так делала раз двадцать за эти годы, с пьяными, с теми, кто плакал и угрожал, с одним, который полчаса читал ей стихи собственного сочинения. Но пьяные не знали про губку под краном. И ни один из них не знал про одиннадцатое ноября.

Сброс. Семь секунд, которые ещё не дошли до слушателей, исчезли. Цифра на индикаторе задержки упала до нуля и поползла обратно: ноль и четыре, ноль и девять, полторы. Автоматика растягивала эфир на доли секунды, чтобы снова накопить запас. Последним до слушателей дошёл её собственный вопрос: «Андрей, откуда вы звоните?» Ответа они не услышали.

Левой рукой она подняла фейдер подложки. Тихая музыка без мелодии, которую они ставили под чтение сводок.

— Андрей, спасибо. Оставайтесь на линии, договорим без эфира. — Голос с пледом, полтона ниже. — А мы послушаем, как звучала та осень. Хроника ноября двадцать первого года.

Она запустила хронику, восемь минут сорок секунд, и убрала свой микрофон из эфира, оставив его только на телефонную линию: жёлтая кнопка вниз, белая вверх. Вторую линию перевела на предпрослушку. Теперь звонящий был только у неё в наушниках, а слушатели слышали Москву пятилетней давности: сирену на Люблинской, голос диктора, шаги поискового отряда по мокрой листве в Кузьминках.

В ящике стола загудел телефон. Длинно, потом ещё раз, потом снова. Ящик она не открыла. Так долго не сдавался только Виктор.

На втором мониторе бежал чат.

«это что сейчас было»

«звук дёрнулся, у всех?»

«постановка, сто процентов. рейтинг»

«Алина, вы в порядке??»

«держитесь»

«Зелёный: дайте ему договорить»

Она нажала кнопку обратной связи.

— Миш. Ты номер видел?

За стеклом Михаил сдвинул наушник с уха.

— Видел.

— И пустил.

— Ну. — Он пожал плечами. — Подумал, у тебя кто-то дома. Не моё дело, кто у тебя дома.

— У меня никого нет.

— Ну откуда я знаю. Я его спросил, откуда звонит. Он сказал: из дома. Ну, из дома и из дома.

— Из чьего?

— Аль, я на линиях двадцать человек за ночь спрашиваю. Я не спрашиваю, из чьего.

Он сказал это тем же голосом, каким просил её отодвинуться от микрофона на ладонь. Алина смотрела на него ещё секунду. Потом взяла последний лист сценария, перевернула чистой стороной, написала маркером крупно и прижала к стеклу:

«112. БАУМАНСКАЯ 11, КВ 64. В КВАРТИРЕ ЧУЖОЙ».

Михаил прочитал, кивнул и снял трубку аппаратного телефона. Часы над пультом показывали 00:44.

— Держи его, — сказал Михаил в наушниках, прикрыв трубку аппаратного телефона ладонью. — Пусть говорит. Я пишу линию.

— Это не Подольск? — спросила она.

Подольском они называли человека, который в двадцать третьем году полгода присылал на станцию письма с её фотографиями из метро. Его нашли, он оказался учителем черчения, и письма прекратились.

— Не, — сказал Михаил. — Подольск шепелявит. Этот чисто говорит. И трезвый, я пьяных с первого слова слышу.

— Вы здесь? — спросила она в линию.

— Здесь. Вы что-то пишете. Маркером.

Она посмотрела на маркер у себя в руке. Колпачок лежал на пульте. Микрофон на линию был открыт всё это время, и он слышал, как скрипит по бумаге войлок.

— Список покупок.

— Пишите. Ночью наряд едет минут двадцать пять. Днём дольше.

Он сказал это так, как говорят про расписание электричек.

Слова она пропускала. Слушала то, что между ними. Голос шёл сжатый, как в интернет-звонках: на «с» и «ш» сыпался мелкий песок, гласные чуть плыли, когда он говорил быстрее. Сотовый звучит иначе, городская линия тем более. Бабушкин аппарат в прихожей давал тёплый, глуховатый звук с лёгким фоном, она помнила его с детства. Этот звук был не оттуда. Или она хотела, чтобы он был не оттуда.

— Вы слушаете эфир? — спросила она.

— Слушаю.

Если бы у него рядом играло радио, она бы услышала в трубке саму себя, с опозданием на семь секунд. Так бывает со слушателями каждую ночь, и Михаил каждую ночь просит их сделать потише. Она не услышала ничего. Значит, он слушает в наушниках. Или врёт. На обороте листа она записала столбиком: «интернет?», «наушники», «не комната».

У него в трубке было тихо. Ни телевизора, ни улицы. Окно её комнаты выходило на Бауманскую, и там до двух ночи шуршали шины по мокрому, даже при закрытых рамах. Если он звонит из квартиры, то не из комнаты. Из ванной. В ванной у неё было тихо, кафель и вытяжка, которая не работала с весны.

— Как вас зовут?

— Андрей.

— Это неправда.

— Да.

Он не стал спорить и не стал придумывать другое имя. Алина подождала. Обычно люди на этом месте начинают объяснять. Он не начал.

— Сколько вам лет?

— Больше, чем было ему.

— Кому?

Он не ответил. Сергею Ковалёву было тридцать четыре. Ей самой было тридцать четыре с сентября. В тишине было слышно, как у неё скрипнуло кресло, когда она подалась вперёд, и как вентиляция над дверью меняет ноту, переключаясь на ночной режим. Она знала этот щелчок. Он случался каждую ночь в 00:45, плюс-минус минута. Значит, сейчас 00:45. Глаза на часы она не подняла.

— Хорошо. Что вам нужно? Деньги?

— Нет.

— Чтобы я приехала?

— Нет. Ехать никуда не надо. Сидите, где сидите.

— Тогда что?

— В пять утра у вас повтор.

Она промолчала. Это был её старый приём: замолчи, и человек сам договорит то, что собирался оставить при себе. Он молчал тоже. Было слышно, как он сглотнул.

— В пять вы выйдете вместо повтора. Живьём. И расскажете людям, что вы знали.

— О чём?

— Не что думали. Что знали.

— Я не понимаю, о чём вы говорите.

— Понимаете. Иначе вы бы уже положили трубку.

В правом наушнике щёлкнуло. Михаил:

— Полиция на связи. Спрашивают, у кого есть ключи.

Она нажала «тишину» на второй линии, чтобы звонящий её не слышал.

— Ни у кого. Замок электронный, скажи: доступ только у меня.

— Понял. И ещё: этаж и домофон.

— Пятый. Шестьдесят четыре, вызов, потом «В». Он полгода сломан, пусть звонят в любую квартиру, там откроют.

— Понял.

Она вернула линию.

— Вы находитесь в моей квартире без моего разрешения. Это статья.

— Да.

— Сто тридцать девятая. До трёх месяцев ареста.

— Я знаю, какая.

Чат на втором мониторе ушёл в сторону. Там спорили, кто такой Андрей. «Муж её, сто процентов». «Какой муж, у неё нет мужа». «Муж ЕЛЕНЫ». «Или Ковалёв с того света, ага». Кто-то поставил смеющийся смайлик, и ему ответили, что это не смешно.

— И вас это не волнует?

— Волнует. До пяти, Алина Сергеевна.

Отчество он выговаривал полностью, все четыре слога, как читают с бланка.

Хроника в мониторах дошла до девятого октября. Глеб Ракитин, муж, говорил журналистам у отделения, что Лена никогда не уходила, не предупредив. Голос у него на записи срывался в одном и том же месте, на слове «никогда». Алина помнила этот кусок наизусть. В двадцать первом она сама его выбирала из трёх дублей.

— Вы сказали, что знали Сергея.

— Знал.

— Откуда?

— Лучше, чем вы.

— Я его не знала совсем.

— Вот именно.

Он сказал это без нажима, как говорят «у вас шнурок развязался». Она ждала продолжения. Продолжения не было.

— Вы сказали: «что вы вырезали». Я ведущая, Андрей. Я ничего не режу. Монтажом занимаются другие люди.

— Я не спрашивал, кто резал. Я спросил, что.

— Я не знаю, о чём вы.

— Тогда у вас есть время вспомнить. До пяти четыре часа.

— Давайте так, — сказала она. — Вы хотите, чтобы я что-то сказала в эфире. Скажите сначала вы. Сейчас, мне одной. Что я, по-вашему, знала?

— Если скажу я, это будут мои слова. Мои слова уже никто не слушает. Мне нужны ваши.

— Тогда давайте встретимся. Утром, после эфира. Без микрофона, без записи. Я вас выслушаю.

— Вы уже один раз не выслушали.

Она хотела спросить, когда. Не спросила.

— Вы знаете, где Елена? — спросила она вместо этого.

— Нет. А вы?

— Если бы я знала, я бы сказала в эфире.

— Да, — сказал он. — Это я про вас знаю.

Он сказал «знаю», а не «думаю». В столбик пошло и это.

В мониторах хроника дошла до её собственного голоса. Фрагмент из первого выпуска, двадцать первый год: «…и мы снова спрашиваем: где Елена?» Голос был моложе, быстрее и выше, с придыханием на ударных слогах, которое она потом два года из себя вытравливала. Тогда Виктор сказал, что придыхание продаёт. Она слушала эту интонацию и слышала в ней девушку, которой очень хотелось понравиться.

В ящике снова загудел телефон. Где-то в Москве люди со стриминга слушали, как под хронику молчит ведущая, которую они собирались звать консультантом.

Одиннадцатое ноября двадцать первого года было четвергом. Больше Алина о нём думать не стала.

На таймере хроники оставалось четыре минуты десять. Михаил за стеклом говорил по аппаратному телефону и записывал что-то на обороте бланка. Почерк у него был крупный, она видела цифры своего дома с другой стороны стекла.

— Где вы взяли мой номер? — спросила она.

— Он у многих есть.

— Он есть у пяти человек.

— Значит, у пяти.

— Вы понимаете, что я вас найду?

— Да, — сказал он. — Я на это рассчитываю.

Она дописала в столбик: «хочет, чтобы нашли».

— Вы бывали у нас на станции?

— Нет. Меня туда не пустят.

— Вы нам писали?

— Писал.

— Когда?

— Много раз. — Он не стал уточнять, и она поняла, что уточнять не нужно: она всё равно не читала.

Она не нашлась, что ответить, и это было с ней впервые за много лет. В эфире у неё всегда был следующий вопрос. Здесь следующий вопрос был, но задавать его она не хотела: «Кто вы ему?» Если он ответит, придётся слушать ответ.

В правом ухе щёлкнуло.

— Наряд выехал, — сказал Михаил. — Говорят, минут двадцать пять.

Она посмотрела на него через стекло. Он записывал что-то на бланке и не видел её взгляда. Двадцать пять. Звонящий назвал эту цифру раньше дежурной части.

— Хорошо, — сказала она. — Если вы у меня, откройте окно. Я услышу улицу.

Он не ответил.

— Или скажите, что стоит на подоконнике.

Пауза. Три секунды, четыре.

— Не надо меня проверять. Вы сейчас не в эфире, вам не обязательно быть умной.

Она дописала в столбик: «подоконник — нет ответа». Ответ мог означать что угодно. Он мог не помнить. Мог не хотеть играть по её правилам. На подоконнике стояли кактус в

жестяной банке из-под кофе и роутер, и это знал любой, кто хоть раз видел её окно с улицы ночью, когда роутер мигает зелёным.

— Тогда зачем вы звонили в эфир?

— Чтобы вы взяли трубку. В эфире вы берёте всех. По мобильному вы мне не ответили бы.

— Вы мне звонили на мобильный?

— Нет. Я знаю, что вы бы не ответили. Вы не отвечаете незнакомым номерам. И письма с незнакомых адресов отправляете в архив, не открывая.

Она не стала спрашивать, откуда он это знает. Об этом мог догадаться каждый, кто писал на станцию и не получил ответа. Таких было много.

— Я позвоню ещё, — сказал он. — Не в эфир. Сегодня вы будете брать трубку сами.

— А если не возьму?

— Возьмёте. Послушайте.

В трубке зашуршало, будто он перехватил телефон другой рукой. И она услышала тиканье.

Часы подарила мама, когда Алина переехала в бабушкину квартиру. Китайские, кварцевые, в деревянном корпусе под старину, с боем, который проигрывал четыре фразы вестминстерских курантов. Мама сказала: чтобы не было так тихо. Алина три года собиралась отключить бой и не отключила. Часы висели в комнате, над изголовьем кровати.

Из ванной их было не слышно. Она проверяла это, когда лежала в ванне с наушниками и хотела знать, сколько времени.

Мамины часы тикали с прихрамыванием: «тик» чуть длиннее «така», она замечала это каждую бессонную ночь. В трубке было то же прихрамывание.

Тиканье было сухим и очень близким. Без комнаты вокруг. Её комната звучала иначе: голые стены, паркет, потолок три десять, лёгкий отзвук от шкафа. Здесь отзвука не было вовсе, будто часы поднесли к самому микрофону телефона.

Потом заиграла мелодия. Четыре фразы. Она знала каждую ноту, она слушала их каждый вечер, когда чистила зубы и сердилась на маму. Пауза. Первый удар.

Она считала, не замечая, что считает. Губами, беззвучно, как считала Михаилу секунды перед эфиром.

Два. Три. Четыре.

В чате кто-то написал «какая музыка красивая», про хронику.

Пять. Шесть. Семь.

Восемь.

Тиканье продолжалось ещё секунду. Потом пошли короткие гудки.

На экране линий вторая строка погасла и оставила после себя серый след: «Дом. А. Власова. 00:30:52 — 00:46:19». Пятнадцать с половиной минут, из них восемь в эфире. Она смотрела на эти цифры, пока они не ушли в журнал вызовов.

— Я всё записал, — сказал Михаил. — С первой секунды. Хочешь, потом переслушаем.

— Потом.

Алина сдвинула один наушник. Хроника играла в мониторах: диктор читал сводку от девятого октября, «автомобиль пропавшей обнаружен на территории автосервиса в районе Люблино».

— Аль, — сказал Михаил в другом ухе. — Полиция. Тебя просят, переключаю на студийный.

Часы над пультом показывали 00:46.

Глава 3. Квартира

00:46

— Алина Сергеевна? — Женский голос, быстрый и ровный, голос человека, который за смену задаёт одни и те же вопросы. — Оператор системы сто двенадцать. Вы заявительница?

— Да.

— Вы сейчас где находитесь?

— На работе. Пятницкая, радиостанция, четырнадцатый этаж.

— То есть дома вас нет. Почему вы решили, что в квартире посторонний?

— Мне позвонили с моего домашнего номера. Мужчина описал мою комнату. Сказал, что я сейчас не одна.

— Голос узнали?

— Нет.

— Угрожал?

Алина помедлила.

— Прямо — нет.

— Оружие упоминал?

— Нет.

— Кто ещё проживает по адресу?

— Никто.

— Животные есть?

— Нет.

— Там, где вы сейчас, вам что-то угрожает?

— Нет. Внизу охрана.

— Наряд направлен. Сами туда не езжайте, ждите звонка. С вами свяжется дежурная часть.

Оператор отключилась. Хроника кончалась через минуту.

Алина положила трубку студийного телефона и посмотрела на пульт. Можно было поставить плейлист до двух. Автоматика справилась бы, а Михаил написал бы Виктору про технический сбой. Можно было взять такси: в это время до Бауманской двадцать минут. Подняться на пятый этаж и встать перед дверью, за которой, может быть, кто-то есть. Наряд доедет быстрее, и у наряда оружие. У неё был маркер.

Она открыла микрофон под последние секунды хроники.

— Звонок, который вы слышали, мы проверяем. Я не буду делать вид, что его не было. — Три секунды паузы. — А пока вернёмся к тому, ради чего мы здесь.

Она поставила интервью с координатором поискового отряда, записанное на прошлой неделе, пять минут десять секунд. Координатор говорил медленно, с одышкой, и рассказывал, как они прочёсывали лесопарк в Кузьминках четыре дня подряд.

В наушнике щёлкнуло.

— По сценарию сейчас запись Ковалёва, — сказал Михаил. — Ставим?

Алина перевернула лист обратно. «Запись Ковалёва (19 с), комментарий».

— Снимаем.

— Виктор просил обязательно.

— Снимаем, Миша.

Пауза.

— Понял.

Она открыла ящик стола. Три пропущенных от Виктора, одно сообщение из банка про кешбэк и уведомление от приложения замка, которое висело там с 00:31: «Входная дверь: открыто».

Она нажала на уведомление. Приложение открылось на журнале.

«13.11, 00:31:12. Открыто. Пользователь: Мастер (гостевой доступ)».

«13.11, 00:31:40. Закрыто. Пользователь: Мастер (гостевой доступ)».

Двадцать восемь секунд. В 00:31 она говорила с Тамарой о синяке на запястье.

Гостевой доступ она помнила. В день установки мастер попросил её телефон, открыл в приложении «Пользователи», нажал «Пригласить» и набрал свой номер. Через секунду у него в кармане пискнуло. «Проверю с двух аппаратов, так положено. Через тридцать дней отключится сам, можете не удалять». Она кивнула и забыла. Ставили замок двадцать восьмого октября. Тридцать дней ещё не прошло.

Алина открыла список пользователей. Два имени: «Алина» и «Мастер». Палец остановился над корзиной рядом со вторым. Если удалить, пропадёт ли вместе с ним журнал? Она не знала. Она убрала палец.

Потом набрала домашний номер с мобильного.

Пошли длинные гудки. Линия была свободна. Четыре гудка, щелчок, и её собственный голос из две тысячи девятнадцатого года, со свистом чайника на заднем плане: «Это Алина. Говорите после сигнала». Голос был моложе и веселее, чайник за ним свистел на одной высокой ноте. Сигнал. Она нажала отбой.

В двадцать третьем они делали выпуск про телефонных мошенников. Пенсионерам звонили «из банка», и на экране у них высвечивался настоящий номер банка. Эксперт тогда объяснил в студии, что номер на экране подставляют программой за пару минут. Она сама потом повторила это в эфире своими словами, чтобы было понятно бабушкам. Номер ничего не значил. Журнал замка значил.

В 00:53, когда координатор дошёл до четвёртого дня, позвонил Виктор. Она взяла.

— Аль. Что это было?

— Не знаю.

— Если это твоя заготовка, надо было мне сказать. Мы же договаривались: ровно.

— Это не заготовка. Он звонил с моего домашнего. Ко мне домой едет полиция.

Пауза. Она слышала, как у него на даче тикает что-то металлическое, наверное, остывающий котёл.

— Так. Ты сама цела?

— Я в студии.

— Одна?

— С Мишей.

— Хорошо. Миша пусть никуда не уходит. Полицию вызвала, правильно, умница. Теперь слушай. Эфир не бросай. Если ты сейчас уйдёшь, завтра это будет новость: «Власова сбежала из эфира». Нам это не нужно, ты понимаешь, о чём я. Он ещё звонил?

— Нет.

— Если позвонит, в эфир не бери. Утром разберёмся, кто его вообще пустил. Что он хотел?

— Чтобы в пять я вышла живьём. Вместо повтора. И рассказала, что знала.

— Что знала о чём?

— Он не сказал.

Она сказала это и только потом поняла, что сказала. Одиннадцатое ноября осталось у неё. Виктор его не слышал: фраза ушла в сброс.

— Ну вот, — сказал Виктор. — Пятница, тринадцатое, психи вылезают. Доведи эфир, позвони мне в два. Мы с тобой молодцы, слышишь? Мы сегодня держимся.

Он отключился первым. За весь разговор он ни разу не спросил, есть ли кто-то в квартире сейчас. Он спросил, чего звонящий хотел. Виктор всегда спрашивал о главном, только главное у него каждый раз было своё.

В 01:00 пошли новости, три минуты, записанные выпускающим с вечера. Алина сняла наушники и положила их на пульт. Вентиляция гудела. За стеклом Михаил разговаривал по аппаратному телефону и кивал кому-то. Потом положил трубку и показал ей большой палец: всё нормально. Она не спросила, с кем он говорил.

Она сделала то, что надо было сделать сразу: сняла журнал замка на экран, три скриншота, и отправила их себе на почту. Потом открыла карточку пользователя «Мастер». «Создан: 28.10.2026, 20:41. Пригласил: владелец. Телефон: +7 9** *--63. Последняя активность: 13.11.2026, 00:31. Срок действия: до 27.11.2026». По бумагам приглашала она: с этого телефона, от своего имени. Номер под звёздочками был мастера, и сервер замка знал его целиком. Полчаса назад кто-то держал в руке телефон с этим доступом и нажал «Открыть», а потом «Закрыть». Ей не нужно было стоять у двери, чтобы открыть её. Ему тоже.

В 01:02 зазвонил студийный телефон.

— Алина Сергеевна? Капитан Гараев, дежурная часть Басманного. — Мужской голос, усталый, вежливый. — Наряд уже у вас во дворе, я подъеду минут через десять. Без меня в квартиру не пойдут. Дверь у вас на чём?

— Электронный замок. Я могу открыть из приложения.

— Хорошо. Откроете, когда скажу, не раньше. В приложении что-нибудь есть?

— Есть. В ноль тридцать одну дверь открывали и закрывали. Гостевым доступом. Он у установщика.

Короткая пауза.

— Ничего там не трогайте. Ни доступы, ни настройки. Журнал покажете мне потом.

— Я не трогала.

— Вот и хорошо. Ждите. И телефон держите при себе, не в ящике.

Новости кончились. Она вернулась в эфир и двенадцать минут вела программу так, как вела её всегда. Читала показания соседки Ракитиных про ссору за стенкой в начале октября. Ответила на вопрос из чата про сроки давности. В 01:08 Михаил вывел первую линию: «Денис, Казань, студент-юрист».

— Я хотел сказать про презумпцию невиновности, — начал Денис и запнулся на «презумпции». — Вот вы говорите: суд не устанавливал. Но вы же тогда сделали так, что все решили. Это же тоже как бы приговор, только без суда.

— Денис, а что мы сказали неправду? Назовите одну фразу.

— Ну… я не про неправду. Вы задавали вопросы. Но вопросы были такие, что ответ уже был внутри.

— Вопрос — это вопрос. Ответ на него каждый даёт сам.

— Вот я и говорю, — сказал Денис. — Каждый сам. Шесть миллионов человек сами.

Она поблагодарила его и отпустила линию. Ответ был хороший, она давала его на всех конференциях, и ни разу он не звучал у неё в голове так долго после того, как она его произнесла. В чате «Зелёный» написал: «студент прав». Ему поставили одиннадцать лайков.

В 01:14 студийный телефон зазвонил снова. Она поставила второй блок хроники, восемь минут, закрыла микрофон и только потом сняла трубку.

— Мы у двери, — сказал Гараев. — Открывайте.

Она нажала «Открыть». В трубке, через пять километров, пиликнули две ноты, и щёлкнул ригель. Этот звук она слышала каждый вечер, когда приходила домой.

— Полиция! — крикнул кто-то молодой. — Есть кто в квартире?

Тишина. Шаги, много шагов, тяжёлые ботинки по паркету в прихожей. Скрипнула дверь ванной, она скрипела всегда. Щёлкнул выключатель.

— Ванная чисто, — сказал молодой голос.

— Кухня чисто. Товарищ капитан, тут кран течёт. И губка под ним.

— Не трогай.

Алина закрыла глаза на секунду. Губка лежала там с сентября. Кран капал с сентября.

Гараев молчал. Она слышала его дыхание и шорох куртки.

— Комната, — сказал он наконец. — Никого. Окно закрыто на ручку. Шкаф… никого. Под кроватью чемодан. Балкона нет.

— Посмотрите на тумбочку, — сказала Алина. — Что там лежит?

— А что должно лежать?

— Скажите, что лежит.

Шорох. Он подходил ближе.

— Книга. Сименон. «Мегрэ и…» — дальше на корешке стёрто. Очки. Зарядка.

— Не «Тихий Дон»?

— «Тихий Дон» у вас на полке, два тома. Из второго бумажка торчит.

— Посадочный талон?

Пауза.

— Сочи — Москва. Восемнадцатое июня.

— Пожалуйста, не трогайте его.

— Я в перчатках, Алина Сергеевна.

«Тихий Дон» она убрала на полку в прошлое воскресенье, восьмого. Застряла на втором томе, на той части, где все друг друга убивают, и взяла с полки у мамы Сименона, потому что он короткий.

— Часы у вас стоят, — сказал Гараев. — Вы в курсе? Без двадцати четыре.

— В курсе. Батарейка села. Второго ноября.

— Понятно.

Он пошёл дальше, к окну, сказал кому-то «сфотографируй ручку». Алина осталась у часов.

Без двадцати четыре второго ноября, в понедельник, она проснулась без снотворного и не поняла, что её разбудило. Утром увидела: стрелки стоят. Батарейки нужны были пальчиковые, она две недели собиралась купить. Часы с тех пор молчали.

Двадцать восьмого октября они ещё шли.

Мастер пришёл в половине восьмого вечера. Чёрная медицинская маска, извинялся, что простыл, «вы не бойтесь, я не заразный, просто горло». Говорил мало и сипло. Называл её по отчеству, как в поликлинике: «Алина Сергеевна, где у вас ближайшая розетка?», «Алина Сергеевна, распишитесь в гарантийном». Когда настраивал приложение, спросил, сколько заводить пользователей. «Одного». — «Одна живёте?» — «Одна». Он кивнул и больше ничего не спросил. Она сидела на кухне с ноутбуком, монтировала подкаст, одно ухо в наушнике. В комнате выла дрель.

В восемь дрель замолчала.

Она тогда выглянула из кухни. Мастер стоял в комнате спиной к ней, лицом к стене над кроватью, руки вниз, дрель в правой. Часы играли свои четыре фразы, потом били. Он стоял и ждал, пока они пробьют восемь, и только после восьмого удара снова включил дрель. Она подумала тогда: вежливый человек, не хочет сверлить поверх музыки. И вернулась к монтажу.

Алина взяла маркер и написала на полях сценария, рядом с синяком на запястье: «28.10, 20:00». Подчеркнула два раза.

— Техника на месте? — спросил Гараев. — Ноутбук, деньги, украшения?

— Ноутбук со мной. Денег дома нет. Серьги в шкатулке на полке, слева от книг.

Шорох, щелчок крышки.

— Лежат. Две пары, одни с жемчугом.

— Это всё.

— Значит так, — сказал Гараев. — Посторонних нет, следов взлома нет, вещи на местах, насколько я могу судить. Вошли мы по вашему сообщению, что в квартире чужой, так и запишу. Нормальный осмотр, с протоколом и при вас, сделаем утром. Скриншоты журнала пришлите мне, я дам почту. Но скриншот — это для начала. Журнал хранится у производителя замка, на сервере, официально запросим его там, и кто такой «Мастер», там тоже знают. Заявление приму, подъедете утром или я к вам. Номер, с которого вам звонили, тоже проверим, но это не за ночь.

— Он звонил не с моего номера. Я набрала домашний, линия свободна.

— Тем более.

— И ещё. В ноль сорок шесть, когда он был на линии, в трубке били мои часы. Мелодия и восемь ударов. Я их узнаю из тысячи.

Гараев помолчал. Она слышала, как он повернулся, наверное, к стене над кроватью.

— Эти часы? Которые стоят?

— Эти.

— Записать можно что угодно, Алина Сергеевна. Звук часов, звук двери. — Голос у него не изменился, только стал медленнее. — Я это в рапорт внесу. Запись вашего эфира у станции сохранится?

— Линию пишут. Техник писал.

— Хорошо. Пусть не удаляет. Кто знал, что вас ночью не будет дома?

— Все. У меня эфир по расписанию, с полуночи до двух. Это на сайте написано.

— А что вы до утра на работе?

Она помедлила.

— Тот, кто слушает. В пять у меня повтор. Но повтор идёт в записи, я обычно уезжаю в половине третьего.

— Сегодня не уезжайте одна. Если соберётесь домой, позвоните в дежурную часть, вас встретят у подъезда. Я серьёзно, Алина Сергеевна. Человек открывает вашу дверь и звонит вам в эфир. Я не знаю, чего он хочет, и вы, как я понимаю, тоже не знаете.

— Он хочет, чтобы я в пять вышла в эфир и что-то сказала.

— Что?

— Я не знаю.

Это была вторая неправда за ночь. Обе она сказала людям, которые пытались ей помочь.

По молчанию в трубке было понятно, что Гараев записал и это, и то, как она это сказала.

— Ладно. Утром поговорим подробнее. Этот «Мастер» в журнале. Кто это?

— Человек, который ставил замок. Анатолий. Толя.

— Фамилия?

— Не знаю. Он попросил наличными, сказал, так дешевле.

— Сам попросил?

— Сам.

— Телефон его у вас есть?

— Есть.

— Пришлёте вместе с журналом. — Шорох, он, кажется, сел на край её кровати. Она поморщилась. — А нашли вы его где? Кто вам этого мастера посоветовал?

Алина подняла глаза.

За стеклом Михаил откручивал крышку термоса. Он налил себе в кружку с отбитой ручкой, не торопясь, до самого края, и смотрел в кружку, а не на неё.

На экране справа загорелась вторая линия.

«Дом. А. Власова».

Часы над пультом показывали 01:19.

Глава 4. Старое дело

01:19

— Алина Сергеевна? Вы меня слышите?

— Слышу. — Она отвела взгляд от стекла. — Коллега посоветовал. С работы.

— Имя коллеги?

На экране мигала вторая строка, её домашний номер. Михаил за стеклом поставил кружку и смотрел на экран линий. Палец его лежал рядом с кнопкой второй линии и не нажимал.

— Я пришлю вам всё вместе. Журнал, телефон мастера и кто советовал.

Гараев помолчал ровно столько, чтобы она поняла: он заметил.

— Хорошо. Мы выходим. Когда скажу, закроете дверь из приложения.

Шаги, голос молодого сержанта на лестнице, хлопок двери. Гараев сказал «закрывайте». Она нажала. Две ноты, щелчок ригеля. Пять километров отсюда, на пятом этаже дома на Бауманской, её квартира снова осталась пустой.

— Утром я вам позвоню, — сказал Гараев. — Если он позвонит снова, пусть ваш техник пишет. Себя берегите.

Он отключился. Это была третья недоговорённость за ночь. Алина решила дальше не считать.

Можно было перезвонить ему сейчас и сказать всё. Что звонящий знает про одиннадцатое ноября. Гараев спросит: а что было одиннадцатого ноября? Она ответит: я задала вопрос. Он спросит: какой? А что вам ответили? А что вы сделали потом? Он задаст ровно те вопросы, которые задала бы она сама, и в том же порядке. Она положила трубку студийного телефона на рычаг до конца, до щелчка.

— Вторая, — сказал Михаил в наушниках. — Опять он. Беру?

— Нет. Я сама.

Михаил поднял голову. Впервые за ночь он посмотрел прямо на неё, через стекло, и сразу опустил глаза в экран.

Она нажала кнопку второй линии на своём пульте. Так она не делала никогда: линии брал Михаил, спрашивал имя, тему, впечатывал пометку и только потом отдавал ей. Кнопка была тугая, от неё отвыкли.

— Слушаю.

— Это я, Алина Сергеевна.

— Подождите. У меня эфир.

— Подожду.

Она перевела линию на удержание. На удержании звонящие слышали эфир, с задержкой, как все. Он будет слушать её.

— Ты его теперь сама берёшь? — спросил Михаил по обратной связи.

— Сама.

— Ну смотри. Я пишу.

Хроника кончилась в 01:22. Алина открыла микрофон.

— Полиция проверила то, что нужно было проверить. Спасибо всем, кто писал в эти полчаса. Мы продолжаем. Сейчас реклама, потом песня, а потом мы вернёмся к Елене Ракитиной.

Она не сказала, что квартира её и что в квартире пусто. Виктор бы одобрил.

Чат принял это по-своему. «Значит, правда кто-то был». «Губку под краном слышали? он у неё дома был». «Алина, вы сами-то в безопасности?» «Зелёный: а что он сказал в конце? звук же пропал». Ему ответили, что ничего не пропало, просто связь. Она прокрутила чат вниз, до конца, чтобы не видеть этот вопрос сверху.

Она поставила рекламу, три минуты, за ней песню из плейлиста программы, четыре тридцать, и закрыла микрофон.

— Я здесь, — сказала она в линию.

— Я слышал. «Полиция проверила то, что нужно было проверить». Хорошо сказано. Никто ничего не понял, и все успокоились.

— Вы этого и хотели?

— Нет.

Она взяла маркер. На обороте листа после столбика из первого разговора оставалось место.

— Давайте по-другому, — сказала она. — В квартире никого. Часы у меня стоят со второго ноября. Вы звонили не оттуда.

— Я не говорил, что звоню оттуда.

— Вы сказали: «Но сейчас нет». Что я не одна.

— Вы и сейчас не одна.

Он мог иметь в виду кого угодно. Шесть миллионов, которые когда-то её слушали. Тех, кто слушает сейчас. Мастера, который стоял лицом к её часам и ждал восьмого удара.

За стеклом Михаил снял наушники и положил их на стол, рядом с кружкой. Так он делал, когда хотел показать, что не слушает. Она давно знала эту его привычку и ни разу не проверяла, слушает ли он на самом деле.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда так. Я задаю вопрос, вы отвечаете. Потом вы задаёте свой.

— Это ваш формат.

— Да.

— Давайте.

— Вы были у меня в квартире?

— Был.

— Когда?

— Раньше.

— Зачем?

— Посмотреть, как вы живёте.

— Вы давно меня слушаете?

— С двадцать первого.

— Каждую ночь?

— Нет. Первые два выпуска. Потом не мог. Потом снова, с этого лета. Мой вопрос.

Она ждала, что он спросит о чём-то личном: сколько она получает, с кем спит, почему одна. В эфир так звонили. Люди, которые долго слушают ведущую, начинают думать, что имеют на неё право.

— Одиннадцатое ноября двадцать первого года, — сказал он. — Четверг. Вечер, часов восемь. Вы в аппаратной, слушаете в наушниках запись для выпуска. Девятнадцать секунд. Вы слушаете её три раза. Потом снимаете наушники и спрашиваете: «Что здесь вырезано?» Я правильно говорю?

Песня в мониторах дошла до припева.

Она помнила наушники. Старые, студийные, с треснувшей амбушюрой, заклеенной синей изолентой. Изолента липла к волосам. Помнила запах: Виктор стоял за креслом Михаила в пальто, он приехал с какой-то встречи, от него пахло холодом и одеколоном с кедром. Михаил сидел на этом же стуле, за этим стеклом, только стекло тогда было в разводах, его поменяли позже.

Запись начиналась с гула. Низкий, ровный, плотный звук, какой бывает в мастерских: работает компрессор. Под этим гулом говорил Сергей. Голос усталый, без злости, с хрипотцой. «Никто не должен знать, где ты».

«Никто». И после второго «никто» комната пропала.

Полсекунды. Меньше. Гул оборвался и вернулся, и голос продолжал как ни в чём не бывало. Если не знать, что слушать, можно было не заметить. Она слушала комнаты пятнадцать лет. Комната не может пропасть на полсекунды. У компрессора нет пауз.

Она прослушала ещё раз. Комната пропадала в том же месте. И ещё в двух.

Она сняла наушники. Изолента отлепилась от волос с тихим треском.

— Что здесь вырезано?

Михаил не обернулся. Он сидел к ней спиной и смотрел в монитор, где по экрану бежала серая полоса. Виктор положил ладонь на спинку его кресла, рядом с его плечом, и не убрал.

Это было всё, что она позволила себе вспомнить. Дальше был ответ, и она остановилась до него, как останавливают запись пальцем на паузе.

— Алина Сергеевна?

— Я вас слышу.

— Я правильно говорю?

Она молчала шесть секунд. Здесь, вне эфира, детектора тишины не было, и молчать можно было сколько угодно.

— Нет, — сказала она.

— Что «нет»?

— Вы говорите неправильно.

— Хорошо, — сказал он, и в голосе ничего не изменилось. — Это ваш ответ. Ваш вопрос.

Она встала. Шнур наушников натянулся, и она сделала два шага к окну, на сколько хватило шнура. Внизу на Пятницкой жёлтое такси всё ещё стояло у светофора, хотя свет давно сменился. Водитель, наверное, спал. На стекле окна держались мелкие капли, они не стекали, просто висели. Она смотрела на такси, пока не поняла, что ищет в нём кого-то, кто смотрит вверх, на четырнадцатый этаж. В такси никто не смотрел вверх.

Она вернулась к пульту.

Ей стало стыдно. Коротко и горячо, так, что она почувствовала это ушами. Через секунду она уже думала о Викторе, и стыд ушёл туда, куда уходил всегда.

В аппаратной в тот вечер их было трое: она, Виктор, Михаил. Больше никто. Двери в аппаратную закрываются так же, как в студию, с чмоканьем, и звук сквозь них не идёт.

Но Виктор любил рассказывать. На новогоднем корпоративе в двадцать втором году, когда программа взяла премию, он стоял с бокалом у окна и рассказывал молодым из новостей, как они делали тот выпуск. «Власова у нас ухо. Чуть не сорвала эфир из-за полсекунды гула. Сняла наушники и говорит: Вить, а тут что, кусок выкинули? Представляете?» Молодые смеялись. Она тоже смеялась, ей было приятно, что про неё рассказывают. Она это помнила. Значит, это слышали человек пятнадцать. А пятнадцать человек могли рассказать ещё кому-то.

— Кто вам это рассказал? — спросила она.

— Неважно.

— Мне важно.

— Вам важно, кто рассказал. Мне важно, что вы спросили.

— А что я спросила? Повторите.

Это был старый приём: попроси человека повторить, и он повторит своими словами. По тому, как поменяются слова, слышно, откуда он их взял.

— «Что здесь вырезано?» — сказал он.

Он сказал это с её интонацией. С ударением на «здесь», с короткой паузой перед ним. Так она спрашивала, когда была уверена в ответе и хотела, чтобы ей его сказали вслух.

Она помнила синий свитер. Михаил был прав, она его больше не носила.

— Я спрашиваю обо всём. Это моя работа. Я спрашивала про каждую склейку в каждом выпуске.

— Про каждую?

— Да.

— Тогда вы должны помнить, что вам ответили.

Она не ответила. Песня кончалась. До эфира оставалась минута.

— Подождите, — сказала она.

— Подожду. Ещё одно, Алина Сергеевна. Дверь я открыл, чтобы вы позвонили в полицию.

— Зачем вам полиция?

— Чтобы вы поняли, что это не розыгрыш. И чтобы утром никто не сказал, что вы всё придумали.

Она перевела его на удержание и открыла микрофон под последние такты.

— Это была песня, которую Елена, по словам её подруги, ставила в машине каждое утро. Мы ставили её тогда. Ставим и сейчас.

Она не помнила, правда ли это про подругу. Так было написано в сценарии двадцать первого года, и она это прочитала. Она закрыла микрофон, поставила ещё рекламу, полторы минуты, и вернула линию.

— Миш, — сказала она по обратной связи, прежде чем заговорить в трубку. — Ты можешь посмотреть, с какого номера он на самом деле звонит? Не что на экране. Настоящий.

Михаил надел наушники обратно.

— Отсюда нет. Отсюда я вижу то же, что и ты. Это в АТС смотреть надо, в журнале. Или у провайдера.

— А в АТС кто может посмотреть?

— Ну… — Он пожал плечами. — Ночью никто. Утром позвонишь в айти.

Он снова снял наушники. Она кивнула и вернулась к линии.

— Вы ещё здесь?

— Здесь. Вы спрашивали у техника про мой номер.

Она посмотрела на линию. «Тишину» она не нажала. В прошлый раз нажала, а сейчас забыла, и её вопрос Михаилу ушёл в трубку целиком.

— Номер вам не нужен, — сказал он. — Вы его найдёте. Я не прячусь.

— Тогда скажите своё имя.

— В пять.

— Почему в пять?

— Потому что в пять вы будете говорить. Если до этого я скажу, кто я, вы будете говорить обо мне. Вы это умеете. Вы сделаете из меня выпуск.

Она хотела возразить и поймала себя на том, что уже прикидывает, с чего начала бы такой выпуск. С двери, открытой в 00:31. С часов, которые бьют восемь, когда стоят.

Упрёка в его голосе не было. Алина посмотрела на свои пометки. «Интернет?», «наушники», «не комната», «подоконник — нет ответа», «хочет, чтобы нашли», «знаю, а не думаю». Ниже она написала: «знает про 11.11 дословно». И подчеркнула «дословно».

Дословно мог знать только тот, кто слышал. Или тот, кому пересказали очень точно. Виктор на корпоративе пересказывал смешно. Он менял слова, он всегда менял слова, чтобы было смешнее.

В аппаратной в тот вечер слышали трое. Виктор менял слова. Она сама ни разу никому этого не пересказывала. Третий сидел сейчас за стеклом с наушниками на столе и смотрел в монитор.

Она не стала додумывать. Михаил мог рассказать кому-нибудь просто так, за пивом, как рассказывают смешной случай с работы. Михаил мог рассказать кому угодно.

— Хорошо, — сказала она. — Я спросила. Тогда, в двадцать первом. Допустим. Я спросила, что вырезано, и мне ответили. Это нормальная работа. Я задала вопрос, получила ответ, выпуск вышел. Вы хотите, чтобы я в пять утра рассказала, как работает редакция?

— Нет.

— Тогда что?

— Я хочу, чтобы вы рассказали, что сделали после ответа.

— Ничего. Пошла домой.

— Вот, — сказал он. — Это и расскажите.

— Вы хотите, чтобы я в прямом эфире призналась, что пошла домой?

— Я хочу, чтобы вы сказали, почему.

— Потому что был вечер четверга, и выпуск стоял на воскресенье, и мне ответили.

— Вот это и скажите. Слово в слово. У вас хорошо получается слово в слово.

— Сколько вы к этому готовились?

— Долго.

— Месяц?

— Дольше.

Она хотела спросить «сколько», и не спросила. Ответ был бы числом, а числа она потом не умела забывать.

Реклама кончилась. Она дала в эфир подложку и сказала три фразы о том, что после короткой паузы будет большой документальный блок, «Четыре дня в Кузьминках», который готовили для подкаста. Её голос звучал ровно. Она слышала его в мониторах с опозданием на семь секунд и не узнавала, как не узнают себя на автоответчике.

На часах над пультом было 01:30.

— Вы здесь? — спросила она в линию.

— Здесь.

— Почему сегодня?

— Сегодня пять лет.

— Это всё?

— Нет.

Он не стал продолжать. Она записала: «сегодня — не только годовщина».

— Это всё? Всё, что у вас есть? Полсекунды гула и мой вопрос?

Он помолчал. Она слышала, как он дышит, медленно, носом. Где-то у него за спиной, далеко, проехала машина по мокрому, и это был первый звук его собственной комнаты за ночь. Машина ехала долго, звук тянулся секунды четыре. Широкая дорога, далеко от окна. Она записала: «трасса?».

— Сергей вам писал, — сказал он. — Двадцатого ноября. Вы помните, что вы сделали с его сообщением?

Глава 5. Архив

01:31

Телефон лежал у неё на ладони экраном вверх. Мессенджер, список чатов, сверху серая папка «Архив». Двести четырнадцать чатов. Большой палец висел над папкой.

Звонящий положил трубку сразу после своего вопроса. Ответа он не ждал.

Она помнила кнопку «В архив». Серая, справа, под тремя точками. Она помнила, как нажала её в такси, по дороге с какой-то записи, на Садовом, в пробке. Она помнила, что чат после этого исчез из списка и в списке стало чище. Что было в самом чате, она не помнила. Так она себе и говорила все эти годы: не помню.

Она не открыла папку. Перевернула телефон экраном вниз и положила на пульт. Потом запустила «Четыре дня в Кузьминках». Двадцать минут ровно. Голоса волонтёров, хруст веток, треск раций, дождь по капюшонам. Она монтировала этот блок сама, в августе, по выходным, и знала в нём каждый вдох.

— Я в серверную, — сказал Михаил в наушниках. — Там с половины второго подготовка к миграции идёт. Гляну, чтоб не упала. Минут на десять. Если что, телефон при мне.

— Иди.

Он встал, сунул в карман телефон и пачку сушек, и вышел из аппаратной в коридор. Дверь аппаратной закрылась за ним с тем же чмоканьем, что и дверь студии.

Алина посидела ещё минуту. В мониторах координатор говорил: «На второй день мы уже понимали». Она знала, что он скажет дальше, и сняла наушники до того, как он сказал.

Потом встала и пошла в аппаратную.

Между студией и аппаратной был маленький тамбур, полтора шага, две двери. В тамбуре висел огнетушитель и график дежурств, расчерченный от руки. В аппаратной было теплее, чем в студии, от техники. Пахло пылью с горячих блоков и чабрецом. Кресло Михаила ещё хранило его тепло. На столе стояла кружка с отбитой ручкой, лежали бланк с её адресом крупными цифрами и блокнот на пружине. На открытой странице был список на сегодня, по пунктам, его почерком:

«23:00 — проверить запись на 00:50 (В.)

01:30 — миграция, подготовка

05:00 — повтор, проверить

05:30 — восстановление закрыто

06:00 — старт».

Четвёртый пункт подчёркнут. Она посмотрела на него и не поняла, что он значит. Потом поняла: после половины шестого из корзины уже ничего не вернуть.

На втором мониторе был открыт архив. Михаил всегда держал его открытым, на ночь подтягивал оттуда отбивки и старые фрагменты. Сейчас архив стоял на его учётной записи. Чужую учётку трогать не хотелось. Открыла рядом второе окно и ввела свою: «a.vlasova». Пароль она меняла раз в квартал, по требованию айтишников, и каждый раз записывала новый на обратной стороне пропуска. В этот раз запись почти стёрлась, и она набрала его со второй попытки.

Права у неё были на одну программу. «Ночной разбор», все годы, все папки. Чужие программы она видела серыми строчками, без доступа.

Она открыла «2021», потом «11».

Два файла сверху, эфирные мастера:

«2021-11-14_Где_Елена_эфир.wav», 1:58:40.

«2021-11-28_Тогда_где_она_эфир.wav», 1:59:12.

Под ними папка «Исходники 11.2021». Она открыла и её.

Интервью Глеба Ракитина у отделения, девятое октября, все три дубля. Волонтёры, Кузьминки, шесть файлов. Соседка Ракитиных. Голос следователя из пресс-службы. Отбивки. И четыре файла, которые стояли подряд, потому что начинались одинаково:

«Ковалёв_19с_v1.wav», 0:19.4.

«Ковалёв_19с_v2.wav», 0:19.2.

«Ковалёв_19с_v3.wav», 0:19.0.

«Ковалёв_19с_финал.wav», 0:19.0.

Четыре версии одного фрагмента. Каждая на пару десятых короче предыдущей. Она смотрела на эти цифры и пыталась вспомнить, видела ли их тогда. Не видела. Тогда ей принесли готовый финал, и она слушала только его.

Она надела наушники Михаила, тяжёлые, тёплые изнутри, и открыла не Ковалёва. Глеба. «Ракитин_интервью_09-10_дубль1». Улица, машины, чей-то кашель, щелчки фотоаппаратов. «Лена никогда не уходила, не предупредив». На «никогда» голос сорвался вверх и сломался.

Дубль второй. Те же машины, другой кашель. «Лена никогда…» Сорвался.

Дубль третий. «Никогда».

Она прослушала третий ещё раз и посмотрела на таймер. 0:04.6. Во втором было 0:04.5. В первом 0:04.6. Голос ломался на одной и той же доле секунды, на одном и том же слоге, трижды, под разный кашель и разные машины.

Тогда она выбрала третий дубль, потому что в нём лучше было слышно слёзы.

Она сняла наушники и положила их на место, амбушюрами вниз, как Михаил.

Она поискала глазами то, ради чего пришла. Файл длиннее девятнадцати секунд. Исходник. Он был. Она помнила его не по звуку, по экрану: в тот вечер у Михаила на мониторе была открыта длинная дорожка, серая полоса волны во всю ширину, и внизу стояла длительность. 2:47. Она тогда подумала: почти три минуты, а нам нужны девятнадцать секунд. И больше об этом не думала.

Файла длиной 2:47 в папке не было.

Она отсортировала папку по длительности. По дате. По имени. Открыла поиск по архиву программы, набрала «Ковалёв». Восемь результатов: четыре версии фрагмента, два эфира, два анонса. Набрала «звонок». Ничего. Набрала «call». Ничего. Набрала «Серёжа», как его называли волонтёры. Ничего.

Справа над списком была вкладка «История». Она нажала.

История папки шла столбиком, снизу вверх, от старого к новому. Загрузки, переименования, перемещения. Октябрь и ноябрь двадцать первого почти целиком были Михаил: «m.gurov — загружено», «m.gurov — загружено», «m.gurov — переименовано». Волонтёры, соседка, Глеб, отбивки.

Две строки выбивались.

«03.11.2021, 22:10 — v.lebedev — загружено: 1 объект».

«10.11.2021, 04:02 — v.lebedev — загружено: 4 объекта».

Четыре объекта в четыре утра, в ночь на среду. В четверг днём Виктор позвонил ей: «Финал готов, приезжай к восьми, послушаешь». Четыре версии фрагмента Ковалёва. Значит, их принёс Виктор, а не Михаил. Виктор, который за пятнадцать лет на станции не смонтировал сам ни одной склейки и гордился этим.

И ещё одна, ниже: «11.11.2021, 20:12 — a.vlasova — прослушано: Ковалёв_19с_финал». За ней «20:13 — прослушано». «20:14 — прослушано». Три раза подряд, по минуте. Она не знала, что система пишет и это. Человек на линии знал, что она слушала три раза.

Последняя строка в истории была отдельно, через месяц после остальных:

«07.12.2021, 03:47 — удалено: 1 объект — v.lebedev».

Она навела на строку курсор. Всплыло окно: «Объект перемещён в корзину. Подробная информация доступна администратору архива. Срок хранения в корзине: до 07.12.2026».

Седьмое декабря. Сергей Ковалёв умер пятого. Через два дня, без тринадцати четыре утра, Виктор зашёл в архив её программы и удалил один файл.

Она попробовала вспомнить седьмое декабря двадцать первого года. Ничего не вспоминалось. Это был обычный вторник, наверное. Пятого вечером ей позвонил Виктор и сказал: «Ты только не читай пока ничего, ладно? Я сам». Шестого она не выходила из дома. Седьмого, кажется, вышла в эфир. Виктор тогда сказал, что так правильно: не прятаться.

Она сфотографировала экран телефоном. Строку, всплывшее окно, дату. Потом открыла блокнот Михаила на чистой странице, вырвала листок и написала: «07.12.21 03:47 удалено, v.lebedev, корзина до 07.12.26». Подумала и добавила: «исходник 2:47». Сунула листок в карман джинсов.

Под строкой меню, во всю ширину окна, висела жёлтая плашка. Она видела её, когда входила, и пропустила, как пропускают баннеры.

«ВНИМАНИЕ. 14.11.2026 в 06:00 начинается миграция медиаархива в облачное хранилище. Содержимое корзины не переносится и будет удалено безвозвратно. Восстановление объектов из корзины возможно до 05:30 через дежурного администратора. Дежурный администратор: М. Гуров (доб. 1407)». Ниже, мелким шрифтом: «Ответственный за миграцию: В. А. Лебедев. Дата согласована 21.10.2026».

Двадцать первого октября. За три дня до того, как ей на рабочую почту пришло письмо без подписи с темой «Ваш замок открывается шпилькой». Тему она прочитала, само письмо открывать не стала. Вечером, смеясь над собой, попробовала шпилькой старый замок, не открыла, но через четыре дня всё равно поставила новый.

Корзину хранили пять лет. До седьмого декабря этот файл ещё лежал бы там три недели. Миграция съест эти три недели сегодня утром.

Она нашла в меню «Корзина». Пункт был серым. Она нажала на него всё равно.

«Недостаточно прав. Обратитесь к администратору архива».

Администратор архива сидел в соседнем окне. Учётка Михаила была открыта, с его правами, с его корзиной. Она перешла в его окно и нашла «Корзину». Пункт был чёрным, рабочим. Она открыла его. Список удалённого за все годы, сотни строк, и где-то там нужная. Она навела курсор на поиск.

Вверху всплыло: «Действия с корзиной требуют подтверждения. Код отправлен на номер +7 9** *** **07».

Телефон Михаила лежал у него в кармане, в серверной.

Она закрыла всплывшее окно, не вводя ничего. Если бы код пришёл ей, она бы, наверное, ввела. В журнале архива тогда осталось бы: «m.gurov — восстановлено», в половине второго ночи, без заявки, в ночь, когда ведущей звонил неизвестный. Утром Михаила бы уволили, а файл назвали бы подделкой, которую техник ночью вытащил неизвестно откуда. Она знала, как это звучит в эфире. Она сама умела так это рассказать.

Она вернула его окно на главную страницу, как было.

Михаил говорил ей об этом в 23:55. «Корзину не переносят. Что там лежит, к утру сотрут, и привет». Он сказал это между сахаром и замком, будто между делом, и она не открыла письмо «К сведению».

Она откинулась в его кресле. Кресло было низкое, под его рост, колени упирались в стол. В мониторах аппаратной шёл её блок: волонтёр рассказывал, как на третий день нашли в овраге чью-то куртку, и все замолчали, а потом оказалось, что куртка мужская и старая. Она помнила, как монтировала эту паузу. Оставила четыре секунды молчания. Виктор сказал: держит.

Потом в блоке зазвучал её собственный голос, августовский, начитанный за кухонным столом под одеялом, чтобы не было эха: «На четвёртый день поиски свернули. Не потому, что нашли. Потому что искать было больше негде». Она писала этот текст сама и сейчас услышала,

что он построен так же, как её вопросы в двадцать первом. Каждая фраза оставляла слушателю один вывод и не произносила его.

Под курткой, молчанием и собственным голосом в её голове шла другая работа. Ровная, привычная, та, за которую ей платили. Факт: исходник существовал, 2:47. Факт: через два дня после смерти Сергея его удалил Виктор. Факт: файл в корзине, его можно вернуть до 05:30. Факт: человек на линии знает её вопрос дословно и хочет, чтобы в пять она рассказала, что сделала после ответа.

Удаление могло быть рутиной. После смерти человека юристы станции требовали убрать всё лишнее, такое бывало. Виктор мог чистить архив по их списку. В три сорок семь ночи. Из дома. Один файл.

Она заметила, что придумывает ему объяснение, и перестала.

Можно было позвонить ему сейчас. Он не спал, он ждал её звонка в два, он ответил бы с первого гудка. «Вить, что ты удалил седьмого декабря?» Он бы сказал: «Аль, давай трезво». Он бы сказал: «Юристы». Он бы спросил, откуда она это знает и зачем полезла в архив в эфир, и через минуту они говорили бы о том, почему она полезла в архив. Так было всегда. Она задавала вопрос, а отвечала в итоге на его.

Она не позвонила. Сначала файл. Потом Виктор.

Это было знакомое чувство, и она не сразу его узнала. Так бывало, когда в материале появлялась первая настоящая деталь, не пересказ, а документ. Строка в журнале, дата, время, логин. В такие минуты у неё в голове становилось тихо и просторно, как в студии после эфира. Это же она чувствовала в двадцать первом, когда Виктор положил перед ней распечатку: «Машина пропавшей обнаружена на территории автосервиса». Тогда это чувство привело её туда, куда привело.

Над монитором, на стене, был приколот листок в прозрачном файле: «Экстренные контакты ночной смены». Орлова Н. С., директор. Лебедев В. А. Гуров М. Ю. Служба эксплуатации здания. И последней строкой: «Власова А. С. (дом) 912-40-17». Этот листок висел здесь три года. Она сама принесла номер, когда Виктор попросил: мобильный в эфире в ящике, нужен городской. Пять человек на станции знали этот номер наизусть. Шестой мог прочитать его со стены, если зашёл в аппаратную.

Она закрыла своё окно архива. Учётка Михаила осталась на экране, как было. Блокнот положила той же страницей вверх. Кружку не тронула.

Телефон на пульте в студии загудел. Она вернулась туда через тамбур. Виктор: «Как ты? В два жду звонка. Ракитин не отвечает, видимо, не придёт. В.»

Она не ответила.

Часы над пультом показывали 01:44. Блок шёл ещё семь минут. Восстановить файл из корзины мог только дежурный администратор. Дежурный администратор этой ночью ушёл в серверную десять минут назад с пачкой сушек в кармане и сказал: если что, телефон при мне.

Глава 6. Ночная смена

01:45

В коридоре горела половина ламп. Ночью их выключали через одну, для экономии, и коридор четырнадцатого этажа становился полосатым: свет, тень, свет. Ковролин глушил шаги. Из динамика под потолком у лифтов шёл эфир, её блок, тише, чем в студии. Волонтёр говорил про четвёртый день.

Алина прошла мимо кухни, где гудел холодильник и капал кулер. Мимо стеклянной переговорной, где днём сидели продюсеры. Мимо двери Виктора. Табличка «В. А. Лебедев, руководитель ночного вещания», под ней свежая, распечатанная на принтере: «и подкаст-направления». Дверь заперта, внутри темно.

Возле лифтов висел внутренний телефон. Она сняла трубку и набрала охрану.

— Пост, — сказал Ильич.

— Пётр Ильич, это Власова. Кто-нибудь заходил после одиннадцати?

— Никого, Алина Сергеевна. Журнал чистый. Выпускающий в час ушёл, я ему такси вызывал. Я вас по радио слушаю. Что там у вас, нормально всё?

— Нормально. Если кто-то придёт, кто угодно, позвоните мне в студию, ладно? Прежде чем пускать.

— Понял. А полиция? Если полиция придёт?

— Полицию пускайте.

— Понял.

Он повесил трубку не сразу. Она успела услышать, как у него на посту бормочет приёмник: её собственный блок, волонтёр, хруст веток. Ильич слушал её эфир с опозданием на семь секунд, как все.

Значит, на этаже их двое. Она и Михаил.

Лифт стоял на четырнадцатом, с открытыми дверями: ночью его никто не вызывал. Рядом дверь на лестницу с зелёной табличкой «Выход», без замка, по пожарным правилам. Четырнадцать пролётов вниз, турникет, Ильич со сканвордом, стеклянная дверь на Пятницкую. Она могла спуститься прямо сейчас и поймать такси. Никто бы её не остановил. Её держало здесь только то, что лежало в корзине до половины шестого, и то, что в пять утра она должна была что-то сказать или не сказать.

Серверная была в конце коридора, за стеклянной дверью с матовой полосой и считывателем карт. Её пропуск этот считыватель не открывал. Она постучала.

Михаил открыл не сразу. Сначала она увидела его силуэт за матовой полосой, потом дверь отъехала, и из серверной вышел холод и шум. Здесь гудело всё сразу, без ноты: вентиляторы в стойках, кондиционеры, блоки питания. Сплошной ровный шум, в котором не за что зацепиться. Она не любила это место именно за это. Здесь не было комнаты, только шум. Запиши здесь разговор, и никто потом не скажет, в каком углу стоял человек и где была склейка.

— Ты чего? — сказал Михаил. — Кто в студии?

— Блок идёт. Ещё шесть минут.

Он пропустил её внутрь. Дверь за ней закрылась. Между стойками стоял маленький стол с монитором и клавиатурой. Когда она вошла, на мониторе была таблица, мелкие строки с цифрами. Михаил щёлкнул мышью, и таблица свернулась в полоску внизу экрана. Осталось синее окно с полосой: «Подготовка к миграции: 41%». Рядом табурет, на табурете раскрытая пачка сушек.

В крайней стойке, на уровне её глаз, мигал зелёными огоньками плоский серый ящик. К нему скотчем была приклеена бумажка, почерк Михаила, тот же, что на бланке с её адресом: «АТС. НЕ ТРОГАТЬ. ГУРОВ».

— Миш, мне нужен файл из корзины архива.

Он не удивился. Это она заметила потом, позже. Сейчас она смотрела на синий экран.

— Из корзины, — повторил он. — Ночью.

— До половины шестого. Потом его не будет.

— Аль, ну смотри. — Он сел на табурет, сушки съехали в сторону. — Восстановление из корзины — по заявке руководителя программы. Письменной. Руководитель — Виктор.

— Руководитель программы — я.

— По бумагам — он. Ты ведущая. Ведущая видит, руководитель решает. Я на этом в двадцать третьем году выговор получил, когда Савченко из утреннего попросил ему эфир вернуть. Помнишь, как он орал? Нет, ты не помнишь, тебя тогда не было.

— Виктор удалил файл из моей программы через два дня после смерти Сергея Ковалёва. В три сорок семь ночи. Я хочу его послушать.

Михаил смотрел на неё снизу вверх. Свет от синего экрана лежал у него на лице.

— Какой файл?

— Исходник звонка. Два сорок семь. Ты его монтировал.

— Я много чего монтировал.

— Этот ты должен помнить.

— Аль. — Он потёр лицо ладонями, сверху вниз. — Если я сейчас полезу в корзину, пока идёт подготовка, у меня встанет вся очередь. Сорок процентов уже собрано. Встанет — в шесть ничего не уедет, а мне потом двадцать восемь лет архива объяснять, почему. И Виктор меня убьёт. Не в смысле убьёт. Уволит. Мне сорок один год, ты знаешь, куда я пойду?

— Знаю. На другое радио.

— На какое другое радио, Аль. Их три осталось.

Он не повышал голоса. Он говорил так же, как говорил всегда, когда объяснял ей что-нибудь про технику: терпеливо, с «ну смотри», чуть медленнее, чем нужно. Только смотрел не на неё, а на синий экран.

— Я напишу заявку, — сказала она. — Сейчас, на своё имя. «Прошу восстановить, ответственность беру на себя». Если Виктор спросит, скажешь, что я тебя заставила.

— Он не тебя спросит, Аль. Он меня спросит.

— Тот человек, — сказала она. — Он знает, что я спрашивала одиннадцатого ноября. В аппаратной. Дословно.

— Ну, Виктор же это всем рассказывал. На корпоративе.

Он сказал это быстро. Так быстро, что она вспомнила: сама подумала то же самое двадцать минут назад и успела додумать, почему это не подходит. Виктор менял слова.

— Он звонил с моего домашнего номера, Миш.

— Ну смотри, номер — это ерунда. Номер на экране — это как подпись на открытке, пишут любую. Мошенники через интернет так звонят, ты же сама делала выпуск. Подставляют что хотят. Это не значит, что он у тебя дома.

— Я знаю. Я проверила.

— Ну вот.

Он не спросил, страшно ли ей. За ночь об этом спросил Ильич, спросил Гараев, даже Виктор, на свой лад. Михаил, с которым она столько ночей пила чай из одного термоса, объяснял ей про подмену номера и не спросил.

— Он ещё сказал, что Сергей мне писал, — сказала она. — Двадцатого ноября.

Михаил поднял на неё глаза.

— Кто писал?

— Ковалёв. Мне. Двадцатого ноября двадцать первого.

— Что писал?

— Не знаю.

— А он откуда знает?

Он спросил это по-настоящему. Она слышала разницу. Про корпоратив и про номер он отвечал быстро, гладко, будто читал с листа. Про сообщение он спросил медленно, с паузой, и в паузе было удивление. Про сообщение Михаил не знал.

Про сообщение знали двое: она и Сергей. И телефон Сергея, который после пятого декабря остался у кого-то.

— Не знаю, — сказала она второй раз.

— Ну вот видишь. — Он снова смотрел на синий экран. — Человек много чего знает. Готовился. А ещё что он говорил?

— Что позвонит ещё.

— И всё?

— И всё.

Про пять утра она ему не сказала. Он слышал первый разговор целиком, он писал линию, он мог знать и так. Но если знал, то знал не от неё. Она хотела посмотреть, скажет ли он сам.

Он не сказал. Он кивнул, как кивают, когда услышали то, что ожидали, и потянулся поправить кабель, который и так лежал ровно. Синяя полоса на экране доползла до сорока трёх процентов.

— Полиция что? — сказал он через секунду. — Нашли кого?

— Никого. Пусто.

— Ну и слава богу. А дверь? Кто открывал-то?

— По журналу — гостевой доступ.

— А, ну так. — Он кивнул, будто что-то сошлось. — Ты гостевой-то удалила? Толик его на месяц делает, а люди забывают, потом удивляются.

Она стояла между стойками, и холод от кондиционера шёл ей в шею.

Про гостевой доступ она говорила за ночь два раза. Гараеву, по студийному телефону, с закрытым микрофоном. И себе, когда смотрела в приложение. Студийный телефон не выведен на пульт, Михаил в аппаратной слышит только то, что идёт через пульт. Она это знала лучше, чем кто-либо, она сама просила его так сделать три года назад, чтобы звонки маме не попадали в запись.

И мастер. Мастер сказал ей про тридцать дней двадцать восьмого октября, в прихожей, протягивая ручку для гарантийного талона.

— Откуда ты знаешь про гостевой?

— Что?

— Я тебе про гостевой доступ не говорила.

— Ну как. — Он пожал плечами и потянулся за сушкой. — Ты сказала полиции, что доступ только у тебя. Я передавал. А раз дверь открывали, значит, не только у тебя. А раз у мастера, значит, гостевой. Он всем так ставит. Мне на даче тоже ставил, в прошлом году. Ну смотри, там приложение такое, там владелец, и есть гость, мастер себе гостя заводит на тридцать дней, чтобы если что по гарантии приехать и открыть, не дёргая хозяина. Потом оно само отваливается. Удобно, кстати. У меня там тоже висело, я тоже забыл, потом смотрю — нет его уже. Это нормальная практика, Аль, это не он один так делает, это у них в инструкции…

Он говорил и говорил. Про приложение, про гарантию, про дачу в Тучкове, где у него замок на калитке и ещё один на бане. Он объяснял подробнее, чем она спрашивала, и подробнее, чем объяснял ей хоть что-нибудь раньше. Сушку он так и держал в руке, не откусив.

Она слушала не слова. Она слушала, как он торопится. У Михаила был медленный голос, голос человека, который ночами сидит один и говорит с аппаратурой. Сейчас он догонял сам себя.

— Миш.

— Я просто говорю, что это нормально.

— Ты знаешь его фамилию? Толика.

— Чью? Толика? — Он наконец откусил сушку. — Ну… Толик и Толик. Он мне по сарафану достался, от соседа по даче. Я его телефон тебе скинул, и всё.

— Ты ему говорил, где я живу?

— Ты сама ему говорила. Ты ему адрес писала. Аль. Ты что, думаешь, я?

Она не ответила. Она не знала, что думает.

Шестого декабря двадцать первого года, когда она не выходила из дома, кто-то позвонил в домофон и ничего не сказал. Через десять минут она открыла дверь и нашла на коврике пакет из «Пятёрочки»: хлеб, сыр, бананы, две пачки чая, одна с чабрецом. Записки не было. Она так и не спросила его. Она и так знала.

Пять лет ночей. Термос, две ложки сахара, которые она не просила. «Голос с пледом». Он помнил, в каком свитере она была в тот вечер. Он сидел на том же стуле, когда она сняла наушники и спросила.

В аппаратной в тот вечер их было трое.

— Я думаю, что мне нужен файл, — сказала она. — До половины шестого. Можешь ты его восстановить или нет?

— Технически могу. — Он смотрел на синий экран. «Подготовка к миграции: 43%». — Права могу. По регламенту не могу. Давай так. Я позвоню Виктору в шесть, когда миграция пойдёт, и…

— В шесть его уже не будет.

— Ну, в пять. В пять позвоню. Аль, я тебе обещаю. Утром всё по-человечески: заявка, Виктор, юристы. Никуда твой файл до половины шестого не денется.

— Ты сам написал в блокноте: в пять тридцать восстановление закрыто.

Он посмотрел на неё, и она поняла, что он не помнит, оставил ли блокнот открытым.

— В пять у меня эфир.

— Ну у тебя повтор в пять.

— У меня эфир в пять, Миша.

Он замолчал. Сушка в его руке крошилась на клавиатуру, он смахнул крошки ребром ладони.

В кармане у него завибрировал телефон. Он достал его, посмотрел и развернул к ней экраном. На экране было приложение телефонных линий станции, их ночной софтфон: Михаил мог брать звонки откуда угодно, хоть из туалета, и иногда этим пользовался.

«Линия 1. Входящий. +7 916…»

Он нажал «ответить» и поднёс телефон к уху.

— «Ночной разбор», слушаю. — Пауза. — Как, простите? — Ещё пауза. Он посмотрел на Алину. — Подождите на линии, пожалуйста. Да. Да, сейчас. Не кладите трубку.

Он нажал удержание.

— Ракитин, — сказал он. — Глеб. Говорит, муж Елены. Хочет в эфир.

— Это он?

— Голос похож. Я его по тем интервью помню. Он на «никогда» срывался.

Алина посмотрела на часы на мониторе в углу синего экрана. 01:50. Блок кончался через минуту.

Они вышли из серверной вместе. Дверь закрылась за ними с сухим щелчком, и шум остался внутри, за матовой полосой стекла. Коридор, полосы света, динамик у лифтов, в кото-

ром волонтёр сказал последнюю фразу блока: «Мы её не нашли». Она шла впереди. Михаил шёл за ней, и она слышала, как он на ходу набирает что-то в телефоне. Она не обернулась посмотреть, что.

В студии было тепло после серверной. Она села, надела наушники, положила ладонь на фейдер. Михаил за стеклом упал в своё кресло, вывел первую линию на пульт и впечатал пометку: «ГЛЕБ РАКИТИН — муж Е.».

В правом наушнике щёлкнуло.

— Даю, — сказал Михаил.

На экране горели две строки. Первая: «ГЛЕБ РАКИТИН — муж Е.». Вторая была тёмной. Пока тёмной.

Часы над пультом показывали 01:52. Алина открыла микрофон.

— Глеб, вы в эфире. Доброй ночи.

— Алина, здравствуйте. — Голос был мягкий, немного в нос, с паузой перед каждым словом, как у человека, который много раз проговаривал это про себя. — Я все эти годы не решался вам позвонить. Я хотел сказать вам спасибо. За Лену.

На слове «Лену» голос сломался в том же месте, где ломался в двадцать первом на слове «никогда». Она сама выбирала этот дубль из трёх.

Глава 7. Первая версия

01:52

— Спасибо, Глеб, — сказала Алина. — Я рада, что вы позвонили. Мы звали вас все эти годы.

Михаил вывел его без очереди, как велел Виктор: на третьей и четвёртой линиях раньше Глеба ждали «Ольга, про сроки давности» и «Без имени, про Ковалёва», и Михаил оставил их ждать.

— Я знаю. Я не мог. — Пауза перед каждым словом, короткая, как вдох перед прыжком в воду. — Вы тогда сказали то, что полиция боялась сказать. Я вам за это благодарен. До сих пор.

— Глеб, мы тогда ничего не утверждали. Мы задавали вопросы.

Она услышала, как произносит это в третий раз за ночь, теми же словами, с тем же нажимом на «вопросы». В мониторах её фраза вернулась через семь секунд, и она не стала её слушать.

— Да, конечно. Вопросы. — Глеб помолчал. — Но все же поняли.

На экране первая строка горела ровным зелёным: «ГЛЕБ РАКИТИН — муж Е.». Вторая была тёмной. Михаил за стеклом сидел, положив ладони на стол по обе стороны от клавиатуры. Его телефон лежал рядом экраном вниз.

— Почему сегодня? — спросила она. — Вы всегда отказывались.

— Пять лет — это много. Я каждый год четырнадцатого ноября переслушиваю ваш выпуск. Сам, один, в машине. Сегодня подумал: если не сейчас, то когда.

Голос у него был мягкий, с влажной «л». Так говорят люди, которые давно привыкли, что их жалеют. Она вспомнила его лицо на фотографиях у отделения: светлая куртка, аккуратная стрижка, руки в карманах. На всех снимках руки в карманах. И телевизор, о котором говорила Тамара: ток-шоу в декабре двадцать первого, после смерти Сергея. Глеб сидел на диване и плакал, а ведущий держал его за плечо. Она тогда смотрела это дома с выключенным звуком.

В двадцать первом Виктор звонил ему каждую неделю и каждую неделю получал отказ. Она тогда была рада отказу и не говорила этого вслух. Муж в эфире означал слёзы. Слёзы плохо монтируются: человек плачет не там, где нужно, и не столько, сколько нужно.

— Вы помните ту ночь? — спросила она. — Восьмое октября.

— Каждую минуту. — Пауза. — Лена сказала, что поедет к маме. Я ждал до одиннадцати. В одиннадцать позвонил маме, Лены там не было. В двенадцать я позвонил в полицию, мне сказали: ждите трое суток. Я не стал ждать трое суток. Я поехал искать сам.

Алина знала этот текст. Он был в протоколе, в двух газетах, в ток-шоу, в её собственном выпуске двадцать первого года, в его же интервью у отделения. «Ждал до одиннадцати», «трое суток», «поехал искать сам». Годы прошли, а ни одно слово не сдвинулось. Люди, которые рассказывают правду, со временем начинают рассказывать её по-разному: забывают, путают часы, добавляют. Она это знала по сотням звонков.

В чате писали: «это реально муж?», «бедный», «столько молчал». «Зелёный: а где он был 8-го до одиннадцати?» Под этим поставили два лайка и один злой смайлик. Было 01:54.

— Каково это, переслушивать?

— Тяжело. Но я должен. Я эти девятнадцать секунд наизусть знаю. Он же их ночью говорил, у себя в сервисе, в двенадцатом часу. Я по голосу слышу, как он устал. Как будто… как будто ему надоело прятать.

Алина взяла маркер.

В эфире двадцать первого года не говорили, когда сделана запись. Не говорили, откуда. Виктор настаивал: защита источника, никаких дат, никаких мест. В эфир шло «запись, полу-

ченная редакцией», и всё. Про компрессор она тогда сказала в эфире одну фразу: «Мы слышим гул, похожий на рабочее помещение». Похожий.

На обороте листа она написала: «Г.: ночью. в сервисе. в 12-м часу». И поставила вопрос.

Сервис у Сергея был. Машину Елены нашли в сервисе. Любой слушатель мог догадаться, что гул на записи из сервиса, и любой мог решить, что ночью, потому что всё страшное случается ночью. Глеб каждый год слушал эту запись в машине. Он мог догадаться тоже. Про двенадцатый час догадаться было труднее.

Вопрос она не зачеркнула.

Можно было спросить его прямо сейчас, в эфир: «Глеб, почему вы думаете, что ночью?» Она уже набрала воздуха. И не спросила. В двадцать первом она спросила бы, и спросила бы так, чтобы шесть миллионов услышали в вопросе ответ. Сейчас ответа у неё не было. Был только вопросительный знак маркером на обороте листа.

— Глеб, — сказала она. — Вы сейчас слышали начало нашей программы?

— Слышал. Всю. Я с полуночи в машине сижу, у дома. Не мог подняться.

У него в трубке было тихо, как в закрытой коробке. Ни двигателя, ни печки, ни дворников. Ноябрь, второй час ночи, и человек два часа сидит в остывшей машине, чтобы слушать радио. Или звонит из дома и говорит, что из машины, потому что так лучше звучит.

— Тогда вы слышали звонок в ноль тридцать восемь.

— Слышал. Это ужасно. Я вам сочувствую. Вас кто-то… это же кто-то больной. Вы будьте осторожны, Алина. У таких историй бывают родственники. Люди годами носят в себе.

Она слушала его тембр. Низкий, ровный в середине, с хрипотцой на концах фраз. Похожий на голос Андрея, если отрезать у Глеба эту влажную «л» и паузы. Андрей тоже делал паузы, только не перед словами, а после. Андрей говорил слово и ждал, пока оно дойдёт. Глеб ждал, прежде чем сказать, будто проверял слово на вкус.

Голос можно изменить. Паузы переставить труднее. Но если человек готовился годами, он мог научиться и этому.

Мотив она не видела. Сергей мёртв. Месть мёртвому через ведущую? Давление на станцию, чтобы что? Чтобы она в пять утра сказала, что тогда всё сделала правильно? Глебу это было не нужно, ему хватало того, что она сказала тогда.

И всё же у Глеба был такой же низкий голос и годы молчания, и он позвонил именно сегодня.

Она решила проверить единственным способом, который у неё был.

— Глеб, сегодня в начале программы нам звонила слушательница. Она занималась в клубе, где работала Елена. Она рассказала, что летом двадцать первого года видела у Елены синяк на запястье.

Михаил за стеклом поднял голову.

Пауза Глеба была длиннее, чем все предыдущие. Две секунды. Три.

— Лена была неловкая, — сказал он. — Она всё время ударялась. Это я помню, летом она дверцей машины прищемила руку, плакала даже. Я ей лёд прикладывал.

— Дверцей.

— Да. Своей, «Киа». Там дверца тяжёлая.

Тамара сказала: «Она сама сказала: дверцей прищемила. В машине». Те же слова. Двое людей в двадцать первом, не сговариваясь, или сговорившись, рассказывали про одно запястье одними словами. Алина подчеркнула «дверцей» на полях, рядом с Тамариным синяком. В двадцать первом она пропустила бы это мимо ушей. Тогда выпуск был про другое.

И тут же поняла, что делает. Она задала мужу пропавшей вопрос, в котором ответ уже был внутри, и задала его на шесть миллионов. Ей было не важно, что он ответит. Важно было, как прозвучит вопрос.

Денис из Казани сказал бы: каждый сам.

— Спасибо, Глеб, — сказала она мягче. — Я не хотела вас ранить.

— Вы не ранили. — Голос снова был влажный и ровный. — Я привык. Люди много чего говорят. А тот, который звонил вам в начале… Андрей. Он что хотел?

— Поговорить.

— О Ковалёве?

Она помедлила.

— О разном.

— Понятно, — сказал Глеб. Пауза перед словом вышла короче обычной.

На экране справа загорелась вторая линия.

«Дом. А. Власова».

Она смотрела на две строки, зелёную и мигающую. Глеб был на первой, в эфире, и дышал ей в наушники. На второй ждал Андрей.

Два человека. Один голос она слышала сейчас, другой ждал на удержании. Первая версия за ночь, которую можно было проверить, проверилась сама и упала. Ей стало легче, и она не сразу поняла, что легче ей оттого, что Глеб остаётся просто мужем.

Две линии доказывали только одно: это два разных человека. Не доказывали, что они друг друга не знают. Один мог звонить, пока второй держит её в эфире. Это тоже легло на лист, мелко, внизу, и она сама себе не поверила. Слишком сложно. В жизни так не бывает. Она пятнадцать лет повторяла слушателям, что в жизни бывает только просто.

Михаил за стеклом впечатал на второй строке пометку. Одно слово: «он».

Потом посмотрел на вторую линию и не протянул к ней руку. Потом взял телефон, перевернул, посмотрел на экран и положил обратно экраном вниз.

— Глеб, — сказала она. — Вы знаете, где сейчас Елена? Вы во что-нибудь верите?

— Я до сих пор не знаю, где она, — сказал Глеб. — Это правда. Это единственное, что я знаю точно.

Он сказал это проще, чем всё остальное, без пауз. Алина записала фразу целиком. Ей показалось, что это была первая фраза за весь разговор, которую он не готовил.

— Можно я ей скажу? — спросил Глеб. — Если она вдруг слышит.

— Говорите.

— Лена. Если ты слышишь. Вернись. Я тебя ни в чём не виню.

Часы показывали 01:56. В чате посыпались сердечки и «до слёз». Тогда этот момент стал бы финалом выпуска, она бы подвела к нему музыку и оставила три секунды тишины после. Сейчас она слушала последние слова. «Ни в чём не виню». Пропавшую жену, которую, по его же словам, кто-то убил, винить было не в чем. Человек, который столько лет репетирует горе, мог просто оговориться.

Она дала этой фразе уйти в эфир без музыки.

В ящике коротко дрогнул телефон, она приоткрыла его пальцем. Виктор: «РАКИТИН!!! Держи до конца. Это золото. В.» Золотом Виктор называл то, что можно продать дважды: сначала в эфире, потом в чём-нибудь подлиннее.

— У нас мало времени, Глеб, — сказала она. — Последний вопрос. Что бы вы сказали людям, которые сегодня слушают нас впервые?

— Чтобы не забывали Лену. И чтобы не верили тем, кто будет говорить, что Ковалёв ни при чём. Будут говорить. Сейчас вот сериал снимать собираются, мне со стриминга звонили, спрашивали разрешения. Я сказал: только если по правде. Как у вас.

— Спасибо. Это был Глеб Ракитин.

Телефон в ящике дрогнул ещё раз. Виктор: «Про сериал в эфире не надо. Отпускай его. В.»

Она убрала первую линию. Зелёная строка погасла. Глеб, муж, который всегда отказывался от её эфира, согласился в ту неделю, когда ему позвонили со стриминга. Виктор утром

подписывает со стримингом. Она записала и это, коротко: «Г. — стриминг звонили». В чате «Зелёный» написал то же самое своими словами: «так вот зачем он позвонил». Его тут же назвали бессердечным.

Ольга и «Без имени» так и не дождались своей очереди: обе строки погасли сами, пока говорил Глеб.

— Ну, Ракитин, — сказал Михаил по обратной связи. — Дождались.

— Ты его записал?

— Я всё пишу.

— Ему позвонили со стриминга, и через неделю он созрел.

— Ну я ж говорил. — Михаил пожал плечами. — Люди к годовщинам созревают. А к деньгам ещё быстрее.

Это было первое, что Михаил сказал за ночь не в защиту и не в объяснение. Он сказал это зло и тут же отвернулся к монитору, будто пожалел.

Часы показывали 01:58. Две минуты до конца программы. Она открыла микрофон для финальных слов. Финал она написала в среду, два абзаца, и всю неделю репетировала их перед стоящими часами.

— Пять лет назад мы спросили: где Елена? Мы спрашиваем и сегодня. Сегодня нам звонили люди, которые знали её. Один звонок был другим, и вы его слышали. Мы не будем делать вид, что его не было. — Тут в написанном тексте шло «Мы благодарим всех, кто был с нами», и она пропустила эту строку. — Повтор программы в пять утра. Это был «Ночной разбор», с вами была Алина Власова. Доброй ночи.

Она закрыла микрофон и только потом заметила, что не сказала фразу, которой всегда прощалась со слушателями: «И помните: вопросы задаём мы». Виктор придумал её в двадцать первом, после второго выпуска, и её печатали на кружках для конкурсов.

Через полминуты телефон в ящике дрогнул. Виктор: «Ты почему не сказала «вопросы задаём мы»? В.» Он слушал до последней секунды. Она не ответила.

Заставка, три удара метронома, гул трансформаторной будки. В 02:00 автоматика забрала эфир. Лампа над дверью погасла. Из мониторов пошёл ночной плейлист, первой стояла медленная гитарная вещь без слов.

Студия стала тише. Вентиляция гудела на ночной ноте. Михаил за стеклом снял наушники совсем и повесил их на крючок. Кружку он отодвинул на край стола, как отодвигают, когда больше не будут из неё пить.

В обычную ночь она сейчас собирала бы сумку. Двенадцать листов сценария в мусорную корзину, термос Михаилу, такси до Бауманской, двадцать минут. Дома душ, половина таблетки, будильник на одиннадцать. Повтор в пять шёл без неё, она ни разу не слушала собственные повторы. Сумка стояла под столом, блистер лежал под кошельком.

Она не стала собирать сумку. До пяти утра оставалось три часа, и впервые повтор её касался.

Вторая линия мигала. Под строкой бежал счётчик ожидания: 05:12, 05:13. Михаил её не трогал.

Алина нажала кнопку.

— Слушаю.

— Теперь вас никто не слышит, Алина Сергеевна, — сказал он. — Поговорим.

Глава 8. Несовпадение

02:00

— Поговорим, — сказала она. — Вы долго ждали.

— Я умею.

В ящике загудел телефон. Длинно. Она достала его. «Виктор». Два часа ровно, он ждал её звонка и не дождался. Она сбросила вызов и написала одной рукой: «Позже. Всё нормально». Он прочитал сразу. Три точки появились и исчезли. Больше он не писал.

— Вам звонят, — сказал Андрей.

— Мне всю ночь звонят.

— Продюсер.

Она не ответила. Положила телефон на пульт экраном вниз.

— Вы сказали мне спросить себя, что я вырезала, — сказала она. — Я не режу. Я вам это уже говорила. Но я могу послушать. Подождите.

— Подожду.

Она нажала «тишину» на линии. На этот раз не забыла. На удержании ему теперь играло фортепиано из ночного плейлиста, с опозданием на семь секунд.

Эфирный компьютер стоял слева от пульта: экран с плейлистом, папки, кнопки «пуск» и «стоп». Через него она в эфире ставила фрагменты из архива. Сейчас эфир шёл с автоматики, компьютер был свободен. Она вошла в архив под своим именем, открыла «2021», «11», «Исходники», нашла «Ковалёв_19с_финал». Перевела выход компьютера на свои наушники, только на наушники, проверила дважды, чтобы ни одна секунда не ушла в эфир. Посмотрела на Михаила. Он смотрел в монитор и не видел, что она делает. Или делал вид.

Наушники были другие. Те, с синей изолентой, списали в двадцать третьем, когда меняли стекло. Эти были новые, мягкие, и закрывали уши так плотно, что студия исчезала. Она надела их и закрыла глаза.

В двадцать первом она слышала в этих девятнадцати секундах признание. «Её больше нет», «никаких следов». Сейчас она запретила себе слушать слова. Только комнату. Так её учили на первой работе, на областном радио в Твери, пожилой звукорежиссёр с прокуренными пальцами: «Слова тебе наврут. Комната не врёт никогда, у неё нет мотива».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.